

Л.И. Василенко

**Роза Мира: визионерский опыт,
гнозис и поэтическое воображение
(Роза Мира и христианство)**

Даниил Андреев - сын известного писателя Леонида Андреева и автор книги "Роза Мира". В самиздате она бытовала еще где-то, если не ошибаюсь, в 70-е годы. Впервые опубликовало ее издательство "Прометей" (М., 1991), написана она была в основном в тюрьме и закончена в 58-м г., незадолго до смерти автора в 1959г.

Автор - яркий поэт эпического стиля, оппонент воинствующей антидуховности всех ее видов, искатель религиозно-космологической истины и необычный по своей силе визионер. Не случаен подзаголовок "Метафилософия истории". Даниилу открылась глобальная панорама многопланового космического бытия в предельно широкой исторической перспективе. Автор не раз повторяет в своей книге, что он только описывает то, что увидел, и не добавляет ничего от себя, а поэтому следует считать достоверной полученную информацию. Происходит, если верить тем, кто пропагандирует "Розу Мира" в качестве безошибочной истины, как бы прямой контакт визионера с паранормальной реальностью. При этом, как может показаться, разум как бы и не успевает ничего исказить в ее восприятии. Видения трактуются как прямой и единственный источник паранормальных знаний о "мирах инобытия". Этим заявлена позиция эмпиризма, весьма широко и свободно интерпретированного.

Но любому философу очевидно, что не бывает описаний в чистом виде, - всегда есть воспроизведение пережитого опыта по памяти, после окончания самих видений, и его последующее осмысление. Текст "Розы Мира" писался, надо думать, в состоянии обычного дневного сознания, когда разум автора работал, как и у всех людей, и придавал форму тому, пусть и необычному опытному материалу, которым он должен был овладеть. Специфика визионерского опыта Даниила такова, что он отлагался в глубинной, а не в обычной памяти, связь которой с дневным сознанием весьма затруднена. Даниил сам писал, что лишь к 47 годам свет этой памяти стал ярко озарять жизнь дневного сознания. Но он же признавал, что полного ее раскрытия так и не произошло. Как бы там ни было, припоминание видений сопровождается осмыслением, истолкованием и образным их представлением для передачи читателю. И тут какие-то схемы мышления вступают в работу и придают опыту определенный вид.

Нужно также отметить, что визионерский опыт столь высокого класса, как у Андреева, не просто воспринимался, осмысливался и передавался, но и многое менял во внутреннем мире его личности. Кроме того, более ранний опыт мог и должен был заново осмысливаться в свете более позднего. На изменения восприятия опыта немало влиял разум автора, действовавший в русле того, как он был сформирован и направлялся его личными духовными исканиями, его личной и окружающей культурой. Разум мог и должен был менять схемы своего осмысления опыта по мере своего развития, которое было, очевидно, одной из сторон

духовного становления личности Андреева. Воспроизвести всю сложную динамику восприятия и осмысления подобного опыта в данной небольшой статье не представляется возможным. Мы имеем "Розу Мира" как результат непростого сплава восприятия и осмысления и как определенный документ эпохи, во многом соотнесенный с духовными исканиями многих и очень разных творческих личностей XIX - XX вв. в России.

Визионерский опыт Даниила Андреева - бесспорно эзотеричен в том смысле, что мало кто сможет снова воспроизводить его для себя, проходить в своих исканиях путями Андреева или близких к ним. Но Андреев явно стремился его открыть всем, кто готов был с ним ознакомиться, без каких-либо предварительных условий принятия посвящений где-то в закрытых духовных традициях. Единственное условие с его стороны является минимальным для такого рода ситуаций - это конгениальность читателя автору, созвучие, хотя бы отчасти, душевного строя одного другому. Андреев стремился придать своему опыту экзотеричность, сделать его сопереживаемым для других. Но одно дело - сопережить вместе с автором его опыт, а другое - согласиться с тем, как он этот опыт осмыслил. "Sapere aude! - имей мужество пользоваться собственным умом!" - призывал в свое время Кант (Соч. Т. 6. М., 1966, с.27).

Вместе с тем Даниил стремился превратить свой опыт в значимый факт современной культуры, и прежде всего русской. Он имел намерение оказать на культуру немалое влияние, внести в нее определенный импульс в сторону осознания и принятия того, что у России есть великая духовная миссия глобального масштаба. Россию и русскую историю он любил глубокой и трезвой любовью. Поэтому русская культура занимает в его опыте и в книге центральное место. Ясно, что и авторская интерпретация духовного опыта во многом соотносилась с теми средствами, которые эта культура ему и предоставила.

"Даниил не был ни теософом, ни антропософом", - справедливо заметила А.А. Андреева, вдова давно умершего поэта, в своем предисловии к указанному изданию (с.5). Он не вписывается не только в эти духовные течения, но и в рерихианство, в индуизм или буддизм. Но он близок к антропософам по основной постановке своих вопросов. В центре нее - человек в космосе, многоплановый человек в многоплановом космосе, человек со всем многообразием своей духовно-культурной работы, вовлеченный в обширную творческую деятельность разного рода нечеловеческих одухотворенных существ. Антропософский тип мышления угадывается в его рассуждениях о человеке и его природе, которую он трактовал как составленную из монады (внутреннего "Я"), шельта (того, что философы обычно называют духом человека), астрального тела (которое ассоциируется с душой в обычном понимании), затем эфирного тела (которое можно относить или не относить к душе) и тела физического.

Многосоставность и многоплановость человека в таком описании как-то заслоняет его целостность, хотя и дает локализацию тем или иным способностям и силам человека. Личность, конечно, не удастся отождествить ни с монадой, ни с шельтом, ни с чем-то еще. Но Андреев любил тему высшего достоинства личности и ее сообразности Богу, развитую в русской религиозной философии, тему творческого призвания человека, которую он трактовал местами по-бердяевски

выразительно. Это проявилось, например, в том, что немалая часть книги - это просто серия портретов и духовных путей многих видных деятелей нашей культуры. "Всякое творчество, - писал он, - кроме демонического, совершаемого во имя свое и для себя, есть богосотворчество: им человек поднимает себя над собой, обоживая и собственное сердце, и сердца других" (с.21). Но постановка многих вопросов в книге такова, что личность, ее свобода и творчество нередко отходят куда-то на второй план. Космос явно превалирует, а вместе с ним - исправительно-трудовые и педагогические задачи, а также служение высшим космическим иерархиям, которое нередко выражается в виде исполнения их заданий на земле - миссий. Исполнение, впрочем, не теряет творческого характера.

Бердяева Андреев как-то не особенно жаловал. Но временами он фактически шел в согласии с рассуждениями Бердяева из его книги "Смысл творчества" о том, что те, кто интересуется оккультными знаниями и развивают нужные для этого паранормальные способности, лучше христиан и традиционных ученых-естественников понимают то, что происходит в потаенных глубинах космоса, трактуемого как реальность витальная и психичная. Бердяев обещал: "Будет восстановлена космическая иерархия, и человек займет свое царственное место в живой природе. Человек будет властвовать над иерархией природных духов не путем корыстного разъединения, а путем любовного соединения. Магия тем и отличается от науки и техники, что для нее природа всегда одухотворена и что она вступает в общение не с механическими силами, а с природными духами, будь то демоны или духи светлые. Когда вернется великий Пан и природа вновь оживет для христианского мира, тогда неизбежно возродится и магия. Наука и техника переродятся в магию, будут познавать живую природу и вступят в практическое общение с духами природы. Магия станет светлой" (Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989, с. 517).

Андреев тоже выступил за бескорыстное общение с природой, за своеобразный эрос с ее душевными силами, за просветление магии. Он ценил то чувство таинственности космических глубин, которое нередко достигало высокой развитости за пределами христианства. Этим он напоминает нашего Флоренского с его видением космоса как многослойной реальности, с монадами и пр. Вся природа предстала перед Даниилом одушевленной и одухотворенной, полной каких-то живых душ, пребывающих в предличностном состоянии, которым тоже открыт путь вверх - в горние обители, как, впрочем, и в направлении демонизации. Алконост, Гамаюн и Сирия для него - не иначе как "духи рая", и нередко он сводил на нет различие между христианством и всем, что вне его. Демоны для Андреева не всегда бесы, как, впрочем, и стихии.

Даниил безусловно чужд амбициям, страстям и жажде господства, действующим в исторически сложившейся магии и в оккультизме. Он настаивал (причем решительнее Бердяева) на необходимости глубокой работы над собой, "духовного делания", "длительной нравственной подготовки и многостороннего искусства" (с.17) для того, чтобы переходить к познанию трансфизической реальности. К тому же Даниил не без молитвы входил в свои состояния видения потаенности окружающей земной реальности и неземных планов бытия. Он ссылался на духовное покровительство со стороны сил Света, на руководство

лично даймона, когда ему дано было не только видеть иные миры из нашего мира, но и посещать их. Но все же он гностик по складу мышления, но гностик, настаивавший на глубокой внутренней трансформации собственного существа, на безупречности нравственной жизни, на строгой личной верности задаче облагораживания и просветления окружающей жизни.

Где-то он воспроизводит что-то от Платона, который предлагал соединить гнозис (высшее ведение) и пайдейю, чтобы элита философов создавала идеальное общество и государство. Андреев предлагает что-то сходное: эзотерическое знание, "воспитание человека облагороженного образа" и "Лига преобразования сущности государства". Лига мыслилась им как высшая политическая инстанция ("Всемирная федерация государств") и как высшая религиозно-нравственная инстанция над государствами. Она должна опираться на свои филиалы в каждой стране, на "национальные партии Всемирной религиозной и культурной реформы", которые Лига же и будет объединять. Широкая веротерпимость и строгая мораль, внимательное отношение к паранормальному восприятию и постижению человека и космоса, культурно-воспитательная миссия и политическая работа над созданием всемирной солидарности - характерные черты деятельности Лиги и ее представителей. Неявно Андреев ориентируется на Платона, без его тоталитарных тенденций, и явно - на Ганди, с надеждой на пробуждение живого доверия народов к тем, кто показал и будет показывать свою нравственную высоту. И здесь Даниил говорит об особой исторической роли России - быть местом, с которого начнется осуществление подобного гностически-культурно-политического проекта.

* * *

Свой впечатляющий опыт Андреев представил в довольно систематизированном виде, во многом напоминающем то, что дал в свое время Данте в "Божественной комедии". Конкретнее это можно воспроизвести так. Огромная метаисторическая панорама схватки сил Света и Тьмы, непримиримой борьбы, идущей тысячелетия в глобальном масштабе, - вот сквозная тема этой книги. Она развернута где в зороастрийском ключе, где в индуистском, а где и с немалыми библейскими ассоциациями. Мировые религии и их вестники, видные политические фигуры, великие подвижники духа, яркие творческие личности в художественной культуре - вот главные герои этой книги. Так на земле. А помимо земли - две огромных группы миров - восходящего и нисходящего ряда. Круги ада с их мраком и муками, с одной стороны, и "миры просветления", обители света - с другой. Находим мы на страницах книги драконоподобных демонов великих империй, весьма напоминающих библейских левиафанов, встречаем и светлых духов-хранителей народов, которые на ангелов, однако, не особенно похожи.

"География" этих миров занимает в книге много места. Темные миры населены демонами всех рангов, а также душами тех людей, кто после смерти идет по путям возмездия. Они располагаются ниже (но не в нашем пространстве) тех регионов на земле, где много веков действуют мировые религии и связанные с ними культуры. Мощные цитадели зла гнездятся внизу, откуда инспирация греха действует на

христианство, почитал многих наших святых и искренне считал себя православным. Одновременно он любил и великие религии Востока, и почти забытые древние верования наших предков, которые именовал "прароссианством".

Даниил был глубоко не удовлетворен общим духовным состоянием всех мировых религий, духовно тусклым существованием многих их приверженцев, неспособностью активно и действенно противостоять небывалому разгулу зла в XX веке. Отмечал он, к примеру, общее творческое оскудение православия в России, какое-то мельчание человеческих характеров и интересов в предреволюционные годы. Видел и понимал исторические корни такой неспособности. Более того, решил он, религии вообще слабы, все, включая и христианство во всех своих вариантах, слабы сами по себе, а не только из-за исторических грехов и не только из-за изнурительной борьбы с силами, враждебными духу. Существующие религии сформировались на давно уже пройденных стадиях культурного развития человечества и не свободны от примитивности, узости и тесноты своих культурных горизонтов, они - всего лишь "трепет свеч во мраке". Тьма не в силах его погасить, но и мощного возгорания пламени духа ждать от них не приходится. Тем не менее есть, верил Андреев, исторический долг каждой религии - быть духовной наставницей своего народа. Если же он не выполняется, то где же та инстанция, которая возьмет его на себя?

И вот пытливый взор Андреева взыскал иного - "сверхрелигии", "интеррелигии", которую он сам назвал "религией итога", будущей религией всех религий, соединившейся с широтой и глубиной культурной развитости человеческого рода в лице его лучших представителей. Неудачное слово - "интеррелигия" - отметила в предисловии Алла Андреева (с.6). Но слово сказано, и именно им он выразил свою надежду на грядущее возгорание огня духа в мире. А в нынешних религиях есть только провозвестия и прообразы того, что еще не явлено в полной силе. "Сверхрелигия", настойчиво убеждал он, должна объединить, завершить и восполнить весь положительный духовный опыт человечества, где бы и как бы такой опыт ни был раньше обретен, дать ему новую и великую жизнь. Разумеется, для этого должны быть если не устранены, то хотя бы значительно понижены те исторически сложившиеся преграды, которые есть между мировыми религиями.

Роза Мира, заявил Андреев, - это и есть "религия итога", единый духовный цветок человечества, "Братство грядущего", "Будущая Церковь", лучезарный купол над всеми религиями. Назвал он ее также "грядущей всехристианской Церковью последних времен", которая объединит не только ныне существующие церкви, но и все, что он отнес к религиям светлой направленности. Вспоминается по ассоциации "религия Духа" Николая Бердяева, тоже верившего в великую духовную миссию России. Андреев по-другому трактует эту миссию: Россия избрана свыше стать местом явления Розы Мира. Но создается она не только духовными гениями России, а целым Синклитом всего человечества - теми душами, которым дано было совершить духовную победу в своей земной жизни и кто теперь утверждает эту победу в дальнейшей борьбе на невидимых планах мирового бытия. Долгий и тернистый исторический путь ведет к осуществлению этой задачи, и все силы ада брошены на то, чтобы это не состоялось. Светлые силы активно борются за

осуществление высокого замысла, находя для него сотрудников среди особенно чутких и даровитых сердец на земле.

Главная задача Розы Мира - спасти как можно больше человеческих душ от порабощения силами тьмы и объединить человеческий род на основе Высшей правды. Роза Мира, допуская Андреев, может и не осуществиться на земле, но более вероятным он считал довольно-таки длительное установление господства Розы Мира в религиозной и политической жизни человечества. Это не тирания, не гнет идеологический, экономический и политический, а торжество духа света и добра в мыслях, словах и поступках людей, в культуре и политической жизни. Что-то вроде золотого века, с приматом этики над государством. Но и в случае удачи успех Розы Мира будет временным. Князь тьмы - он же антихрист - восторжествует на целое столетие перед концом истории, а затем - Суд и грядущая "смена эонов".

Кто же будет создавать на Руси Розу Мира? Ей служили и служат, верил Андреев, все великие подвижники земли русской. Здесь не только православные святые, но и поэты, художники, писатели и музыканты. И не беда, легко решал Андреев, что им самим и в голову не приходило, что именно таков исторический смысл их труда и свидетельства. Оканчивая свой земной путь, эти труженики и борцы, как писал Андреев, идут дальше в Небесный Кремль, чтобы продолжать начатое на земле. Небесный Кремль высится над Москвой: "нездешним золотом и нездешней белизной блещут его святилища". Некоторые подвижники восходят затем выше Небесного Кремля - в Небесный Иерусалим, ассоциируемый с вселенским христианством. Выше Небесного Иерусалима помещен Синклит всего человечества, высшая элита, куда приходят из всех религий мира.

Главное в становлении Розы Мира возьмут на себя Ярослав и Навна. Роза Мира - плод их грядущего мистического брака, имеющий глобальное, а не только общероссийское значение. Отсюда, собственно, и вытекает его трактовка ее исторической миссии. Брак этот, оговаривал автор, не следует понимать в земных категориях, которые могут только затемнить и исказить духовную суть дела. Роза Мира станет великим вместилищем запредельного Света и средоточием невообразимого "супер-экуменизма" всех религий.

Навна, разъяснял Андреев, - "Найтчица творящих сил", Соборная Душа русского народа, некая запредельная личность, одна из многих божественных женственных сущностей, благодаря которым каждый народ - не просто собрание индивидов, а нечто целое. Андреев настаивал, что многие великие поэты и мистики по меньшей мере чувствовали ее вдохновляющее влияние на свое творчество, а некоторым давалась возможность личного контакта. Смутные поэтические образы Вечной Женственности как запредельной космической силы, а также разные варианты мистического опыта встреч с Софией являются, с его точки зрения, свидетельством сказанного. Всего автор насчитывал в мире около 40 таких "душ народов" или "Великих Сестер". Каждая из них несет в себе высшие прообразы великих творческих возможностей нации, которые еще до конца не раскрылись, да и не раскрываются в истории. И есть подобная душа и у русского народа, она уже давно пленена силами зла, обессилена и измучена, как прекрасная девица - Кашею Бессмертным. Этот сюжет детских сказок он считал имеющим самое прямое

отношение к запредельной реальности. Положительное влияние Навны в нашем мире основательно заблокировано снизу и поэтому достигает только немногих душ на земле.

Ее освободит Ярослав - великий демиург, т.е. создатель народа России, пришедший в космическую иерархию Земли, как и Навна, из каких-то далеких от земли миров. Демиургов, вообще говоря, тоже немало, и возглавляет их т.н. "Планетарный Логос" - высший из иерархии демиургов нашего мира. Демиурги готовят грядущее единство всего человеческого рода. Он "ради света Отчего нас творил веками с высоты", он же - "Народоводитель", который ведет оборону Руси Небесной от сил ада, борьбу против "демонов великодержавной мечты". Но ужасна карма истории, и каждый демиург, согласно Андрееву, вынужден сам благословлять и возводить на inferнальный престол "демонов царство-строенья", именуемых "уицраорами", чтобы они здесь на земле создавали империи, способные защищать свои народы от внешних врагов. Российский имперский демон получил условное имя "Жругр". Жругров было три, последний создал коммунистический режим и инспирировал деятельность Сталина и пр., а первый сделал Ивана Грозного своим орудием и жертвой:

Вижу сам коричневую ауру,
 Слышу там, в пластах земных годин,
 Что окрепло царство уицраора
 И жирел над Русью он один.
 Не объемлем мудростью людей,
 Для очей плотских необозрим,
 воплощался он, как чародей,
 В искажающийся Третий Рим.

Демонами движет ненасытная сила собственной гордыни, они захватывают под свой контроль все, что только можно, вдохновляют черными инспирациями живущих на земле, чтобы множились преступления, чтобы страдания гибнущих людей становились энергетической пищей для демонов.

И вот Навна заключена в мощной inferнальной крепости, воздвигнутой в преисподней под Русью Жругром и прочими демонами разных рангов, а также душами тех, кто сделал главной в жизни ставку на грех и богопротивную власть. Яросвету предстоит увенчать победой свою вековечную борьбу с демонами за освобождение души России. Их мистический брак, согласно Андрееву, состоится в Храме Звенты-Свентаны - высшей из женственных запредельных душ, невесты Планетарного Логоса, возглавляющего светлые силы Земли. Этот храм уже многие века создается в Вышнем Кремле - духовном средоточии Небесной Руси. Строители собираются отовсюду - из религий России, из всех областей культурного творчества. К примеру, если верить автору, там трудится теперь архитектор Витберг, который должен был в XIX веке поставить храм Христа-Спасителя в Москве на Воробьевых горах согласно его первому проекту.

* * *

Есть немало привлекательного в "Розе Мира" - пафос служения Высшему, масштаб рассматриваемых проблем, широкий универсализм, понимание, что в духовной жизни следует искать не самодовольного благополучия, а борьбы и святости. Но есть и неприемлемое для многих учение о перевоплощении душ, неприемлемое именно с точки зрения уникальности и бесконечной ценности каждой человеческой личности. Есть какое-то безразличие автора к тому, что не может человек, принявший персоналистическое понимание величия и сверхприродного назначения человека, преклоняться перед космическими иерархиями и мировыми стихиями. Величественность космоса и его нездешних планов бытия очаровала Андреева. В космизме много хорошего, но далеко не все, потому что есть и велика потемненность космоса.

Есть на страницах этой книги не особенно декларируемая, где явная, а где и неявная, полемика с христианством. Автор проводит как самоочевидную мысль, что христианство в принципе ничем не должно отличаться от других религий. Как бы нечем и незачем ему отличаться. Оно оценивается с нехристианской точки зрения. Определяюще важной жизненной задачей Даниил признал облагораживание человеческого рода, культурно-нравственную работу, овладение силами духа политической жизнью, она у христианства та же, что и у всех других религий, как и задача спасения душ от сил зла. Главное здесь возьмет на себя Роза Мира, а не Церковь Христова.

Встречал ли сам Андреев Христа на земле или когда посещал "миры восходящего ряда"? - Явно нет, если судить по книге и по стихам. Даниил признал "бездонную правду христианского мифа", поняв ее как правду Преображения, а правду Преображения интерпретировал только как облагораживание, педагогику и просветление. При этом в стороне осталась правда Искупления, правда примирения с Отцом небесным через Его Сына. Где-то иногда Христос нисходил в Небесный Кремль, там Его могли видеть какие-то высшие духи - вот и все в книге. И как-то бледно. А земная миссия Иисуса Христа, согласно Андрееву, просто-напросто была оборвана и не исполнена до конца, как это случилось, по его трактовке, с Пушкиным, Лермонтовым и другими.

В таких вопросах христиане отдают предпочтение не тому, что сказал Андреев, а вере. Вера понимается не как неполное знание, соединяемое с вынужденным слепым доверием к тем, кто больше знает. Вера здесь - глубоко внутреннее личное отношение ко Христу и всему, что он совершил, личная самоотдача, внутренний доверительный молитвенный диалог, готовность идти тем жизненным путем, который определяется в таких отношениях. В этом контексте и определяется смысл следующих слов Христа перед Голгофой: "Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить" (Ин 17.2). Христос ясно свидетельствовал, что свое дело Он исполнил до конца на своем земном пути.

Однажды Андреев признал: "Нередко я совершаю, может быть, незаметную подмену, принимая желанное за объективно предназначенное к бытию" (с.261). Да, он прав. Есть подмены и очень даже заметные. По Андрееву, Планетарный Логос возглавляет космическую иерархию, все силы света. Планетарный Логос - как будто бы и Христос, но евангельский Христос в нем совсем не узнается. Совершенно гностически звучит его вопрос: "Не точнее ли было бы говорить не о вочеловечении Логоса в существе Иисуса Христа, а о Его в Нем выражении при посредстве великой богорожденной монады, ставшей Планетарным Логосом Земли?" (с.27). Воплощение тем самым отрицается. Исторический Иисус в таком случае - просто человек и вестник истин духовного мира, один из многих других вестников. Ясно, что это гностический ответ на гностический вопрос. Не Христа прославил в своей книге Даниил, а космическую иерархию и ей призвал служить. Не Христа, потому что заявил, что Его миссия не исполнена. "Высшее человечество - синклиты метакультур - наша надежда, наша радость, опора и упование" (с.59).

В служении иерархии Андреев предлагает нам становиться друг другу братьями. Но давно замечено: быть братьями - значит иметь одного небесного Отца. Чтобы стать братьями, нужно стать усыновленными Отцом Небесным. Этого не бывает просто так, от одних только наших человеческих желаний быть братьями, как впрочем и от санкций космических иерархий. Ап. Павел четко сказал: нужен Дух усыновления, и тогда будет сыновство и братство: "Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии" (Рим 8.14). Но именно ап. Павла Даниил не любил: Павел, дескать, успешный организатор, но безблагодатный. Где-то Даниил чувствовал чуждость своих идей его посланиям. Павел увидел Христа победившего и прославленного поставленным выше всех космических иерархий (Еф 1.10,21; Кол 1.16-17, 2.15). От ап. Павла Андреев отвернулся, отдав предпочтение Яросвету и Синклиту. Поэтому не стоит рассчитывать на тот "первопродник Всемирного Братства", о котором мечтал Даниил Андреев.

Французский философ-персоналист Эмманюэль Мунье чувствовал не меньшее, чем Андреев, отвращение к духовному угасанию и дряблости многих христиан в XX веке, к потере ими творческой инициативы жизни, к их боязни активно действовать там, где дуют пронизывающие ветры мировой истории. Он видел их нежелание бороться за Высшую правду и любовь ко Христу, видел потухшие и уклончивые взоры его боязливых представителей. "Христианский мир - это мир надломленный", - заявлял он (Мунье Э. Христианское противостояние. СПб: Изд-во св. Петра, 1999). Но Мунье не звал к уходу в какой-то иной интер-религиозный синтез и ратовал за христианство героическое, за новое видение и новое воплощение бессмертной традиции, созданной Христом и апостолами.

Я не стал бы утверждать, что Андреев намеренно искажал христианское учение. Но раз искажения есть, значит и он не был свободен от темных инспираций. Я просто опустил многое из того, что можно предложить студентам наших духовных семинарий в качестве упражнений на тему: найти ереси или что-нибудь еще. Найти будет несложно. Парацельс в свое время тоже думал о себе, что он - правоверный христианин, добрый католик, хотя в истории культуры известен в совершенно ином качестве. Будет ли Андреев объявлен еретиком? Сомневаюсь. Для этого

нужно, чтобы появилось обширное религиозное движение, где "Роза Мира" стала бы чем-то вроде священной книги. Странники и последователи "Розы" есть и будут, но едва ли будет обширное движение. В конце концов, книга уникальна и элитарна. Язык книги беспрецедентен и требует от читателя больших усилий. А если не будет обширного движения, то не будет и церковного осуждения, как, например, в случае с Д.С. Мережковским, религиозные идеи которого о "святой плоти" и слиянии язычества с христианством так же неприемлемы, как и идеи Льва Толстого. Но толстовцев было много, поэтому было соответствующее определение Синода, а Мережковский - он для "аристократов духа". Так он и остался вне осуждения, как, впрочем, и Анна Николаевна Шмидт со своим "Третьим Заветом".

Видимо, так же будет и с Андреевым. Время от времени будут говорить что-нибудь вроде того, что мистический опыт Даниила Андреева - если не плод психической болезни, то результат бесовского одержания. Но есть и другой путь понимания того, что нам предложил Д. Андреев, - это визионерский опыт, гностическая интерпретация и поэтическое воображение. Даниил писал, что ясность, значительность и необычность раскрываемых из глубинной памяти образов таковы, что "принципиальное отличие их от обычных воспоминаний, а также от работы воображения становится несомненным" (с.34). Но то, что несомненно для автора, не всегда несомненно для читателя. Я однажды встречал писателя, который в своих художественных произведениях писал о целительстве и ясновидении. Но личная беседа с ним показала, что он создал только прекрасный образ доброго целителя и ясновидца, а сам вовсе не мог практически работать на уровне созданного им образа. Это и есть случай, когда творческое воображение многое добавляет к тому, что есть в действительности. С работой воображения нужно связать также появление разного рода религиозных разговоров о Беловодье, о невидимом граде Китеже, о Москве как Третьем Риме и многом другом.

Вот, например, на с. 57 "Розы Мира" Иуда, согласно Андрееву, должен вновь родиться в конце времен, чтобы, ни много ни мало, принять из рук преданного им Христа его великую миссию, исполнить ее до конца и затем претерпеть смерть от руки князя тьмы. Чем не результат воображения? Или еще: на стр. 228 колоритно описаны состояния демонического вдохновения Сталина, его черного мистического общения с бесовскими иерархиями преисподней, которое давало ему немало энергии для его политической деятельности. То, что Андреев этот вопрос поставил, правильно. Но нарисованная картина, боюсь, в чем-то тоже результат воображения. Не думаю, что ответ самого Андреева на поставленный им вопрос будет последним. Да он и не должен быть последним. Но сравним с Гитлером. Гитлер сам признавал, что служил Валгале - преисподней в германской мифологии. Служение, если верить ряду современников, состояло, в частности, в том, что совершались массовые казни в лагерях смерти, а эти казни были не просто зверствами, но и жертвоприношением бесам. Однако, с именем Сталина связаны еще большие злодеяния того же рода. Так что есть основания предполагать подобное и в отношении Сталина, да и не только его. Но пока это только гипотеза. Нужно ли вообще о подобном писать теперь? Нужно, потому что имя Сталина нам снова навязывают, чтобы мы преклонились перед ним.

И, наконец, к работе воображения я бы отнес и центральную идею книги о Розе Мира как интер-религии, рассуждения о мистическом браке Яросвета и Навны, о высшем надрелигиозном Синклите, о прекрасном и как бы беспроблемном прароссианстве и легкости его соединения с христианством. А вот реальность уицраоров и связанного с ними политического демонизма я не стал бы отрицать, как и реальность светлых и темных инспираций в культуре, реальность духовных миссий великих творцов культуры, а также целых культур и народов, с ними связанных. Не стал бы отрицать и многоплановость космоса, населенность его планов разного рода существами, потаенную глубину природного мира.

Немалому числу людей, я думаю, Даниил заронил в душу жажду полноты истины, вселенских горизонтов и подлинности духовного свидетельства, жажду обрести главную жизненную задачу и достойно исполнить ее, жажду мужества веры и героического действия во имя веры. Надо отметить и его стремление обрести мужественное братство верных, соединить полноту веры с полнотой творческой деятельности в мире. Одинок он был, однако, и в одиночестве он писал и призывал. Похоже на другого нашего космиста Николая Федорова - мечта одинокого человека об общем деле, как заметил о. Георгий Флоровский...

Хочешь верь, а хочешь - навсегда

Эту книгу жгучую отбрось.

Так однажды сказал автор. Не думаю, что следует обязательно выбирать только между этими двумя предложениями. Незачем верить без каких-либо вопросов, как не нужно и просто отбрасывать. Отбросят многие, с руганью, или без нее, или с руганью псевдоблагочестивой. Можно, конечно, обойтись без этой книги. Многие просто не найдут на нее времени, потому что есть дела и обязательства намного более важные. И они будут по-своему правы. Но в культуре нашей что-то изменилось после ее появления. В книге есть определенная и немалая правда, но не всё правда, и правда не вся, а та, которая есть, неадекватно интерпретирована. К духовному опыту Даниила Андреева нужно отнестись всерьез и по-настоящему переосмыслить его, а не отмахнуться, списав на патологию или одержимость. "Кто верен мужеству - читай!" - отвечал оппонентам автор.